

Герман
Алексей

22.07.98

«Русская мысль»

— **Алексей Юрьевич, как вам кажется, изменились ли люди за последние годы? И на самом ли деле произошло падение нравов?**

— Нет, не изменились. Когда-то мы работали со Львом Гумилевым, знаменитым историком, он был консультантом на картине о Чингисхане, где авторами сценария были Светлана Кармалита и я. Эта картина потом имела довольно интересную судьбу. Казахи попросили нас по случаю распада Советского Союза написать бумагу о том, что мы не возражаем, чтобы эта картина ушла как казахская национальная к ним. Ну, как нам было писать «нет». Мы были авторы, а они — владельцы. В результате заплатили нам через пять лет, картина у них прогемела, получила главную премию тюркских народов, премии на Востоке, стала единственной картиной, получившей государственную премию в освободившейся Республике Казахстан. Мы об этом узнали случайно, нам об этом не сообщали. Это была не экранизация, не исторический фильм, данную историю мы придумали. Нам не дали никакой премии, хотя мы это сочинили, премию не дали и главному герою, потому что он киргиз.

Так вот, когда делали картину про Чингисхана, я пришел к Гумилеву. Гумилев утверждал, что со времен Чингисхана люди сильно изменились. Я же настаивал на том, что изменилась только сумма знаний и мера подобию страсти, мера унижения человека, сам человек не изменился ни в своих инстинктах, ни в своем поведении. При виде Сталина один знаменитый ленинградский режиссер просто в кинобудке упал в обморок. А какая разница: люди и при Чингисхане падали в обморок. Я думаю, что люди не меняются в зависимости от времени, меняется мораль, представления, меняется уровень веры.

Посмотрите, как легко Россия в 1917 году сбросила с себя религию, действительно легко, хотя каждый человек верит в Бога. Не думаю, что существуют люди, которые в канун смерти не верят в Бога. Человек может кричать, что он атеист, до последней минуты, но наступит какой-то момент, когда начнет молиться, иначе не может быть.

Падение нравов? Оно естественно. Работал, например, милиционер, он понимал, что есть спекулянт, что спекулянтом быть нехорошо, его надо ловить. И вдруг ему говорят, что с сегодняшнего дня спекулянты — это как раз надежда народа, потому что это есть частное предпринимательство, ты должен его защищать. Ну, что у него должно быть в голове в этот момент, что от него можно требовать! Естественно, пугнут его бандюганы — он с ними будет сотрудничать. Падение это нравов или нет? Это общая растерянность, а вовсе не падение нравов.

И проститутки были всегда. Например, когда я работал над фильмом «Мой друг Иван Лапшин», мы ездили в отдел на улице Дзержинского, это не был отдел по борьбе с проституцией, за нее не сажали, сажали за заражение венерическими болезнями. Мне все это было интересно, потому что у нас был такой персонаж в фильме. Милиционер спрашивал: «Развратными действиями занимаетесь?» Они отвечали: «Никогда». Сажали за димедрол, который они вприскивали шприцем через пробку бутылки с водкой, предназначавшейся клиенту. После беседы с нами проститутки развозили по местам их «работы», так как полковник милиции дал честное слово, что никого из задержанных не посадят. Мы не хотели, чтобы из-за кино кто-то из них пострадал.

Наркомания всегда была, не в таком, конечно, чудовищном масштабе. И от общей растерянности правоохранительных органов до сотрудничества с криминальными структурами — полшага. Я понимаю, что исторически должно быть так: надо создать средний класс, он будет опорой нашего предпринимательства, а у нас пока получается богатый класс и бедный. Но обратно к большевикам я не хочу. Они мне не нравятся, но и капиталисты мне не нравятся. Меня бы абсолютно устроил социализм типа «вилли-брандтовского» или типа шведского, чтобы была какая-то справедливость...

— **Говорят, что на «Ленфильме» произошло заметное оживление, это так?**

— Да, безусловно. Городское правительство, как я понимаю, к этому не имеет ровно никакого отношения, просто «Ленфильм» обладает уникальной группой режиссеров, где-то 6-7 человек, такого сейчас в стране больше нет нигде, уж это я знаю. Поэтому было особое безобразие, когда на «Ленфильме» работали мы одни, присутствовало ощущение блокадного города, а сейчас полное и резкое оживление.

Кинематограф, телевизионный кинематограф необходимы. Поэтому я думаю, что сейчас фильмов будет все больше и больше. Есть на «Ленфильме» талантливые молодые режиссеры, но не работающие, причем их уже трудно назвать молодыми, они на моих глазах старятся.

С актерами дело хуже. Если вспомнить состав труппы БДТ конца 60-х, просто перечислить: Борисов, Басилашвили, Копелян, Лупскаев, Доронина, Макарова, Смоктунов-

дасевич про него написал: «Мы никогда настоящему не узнаем, что было на самом деле, потому что история Павла I писалась только его убийцами».

Современность не интересна. 50-60-е годы интересны, потому что было поколение одних, которые пошли в неприятности, в лишения, и других, которые пошли на сделку, и вот что из этого получилось, понять можно только сейчас. Интересно снимать про то время, когда мы уже знаем, куда делись лю-

повинны и сами кинематографисты, которые сделали все, чтобы нанести своей профессии удар. Еще в 1991 году я говорил, что в этой ситуации театр уцелеет, потому что он ведет свое искусство в России от скоморошества и актеры — люди, которые просто не могут не играть, они и без денег будут играть. А кинематографисты всегда были людьми богатенькими. Если даже сейчас сравнить работающих кинематографистов и артистов, работающих в театре, это несоизмеримые вещи.

Кинематографисты свободой сумели воспользоваться, как им казалось, во благо себе. «Ленфильм» в это время снимал по 60 фильмов в год. Снимала вся погань, которая только может быть. Снимали полную дрянь. Тогда на «Ленфильме» все было в жире, в сале, в икре, в коньяке. Было абсолютно невозможно ни с кем разговаривать. Все спрашивали: «Сколько ты дашь «зеленых»?»

А одновременно шла другая волна — американского кино. Люди ничего этого раньше не видели, не знали, не понимали. «Маленькая Вера» была хорошей картиной, она точно попала в какой-то социальный слой, но там еще и трахались на экране, отчего Советский Союз просто замер, этого раньше показывать было нельзя, а тут еще и это. В Америке, между прочим, по телевидению ни в одной государственной программе голую грудь не увидишь. Для этого существуют специальные программы.

У нас же все это рвануло, эти два потока слились, произошел взрыв, все лопнуло. Мелкие начальники сели в самолеты, полетели в Америку, скупили за копейки картины, которые там вообще не идут в прокат. Накупили, самолетами сюда возили и убили кино.

Кинематографисты же к этому времени поняли, что, если фильм недорогой, картину можно снять, съездить на десять фестивалей и отработать себе постановочные, вообще без зрителей, потому что каждый фестиваль долларов по 200-300-500, но давал, и он с этими деньгами был богатенький. Кого не приглашали на фестивали, те показывали фильмы в кинотеатрах, так как вообще был интерес к нашей стране.

Надо заметить, сейчас в мире вообще плохо с хорошим кино, на самом деле. Достаточно все продажно работает, работает на американские деньги. Я работал членом жюри Каннского фестиваля, я все это видел.

И еще хочется отметить, что существуют в стране довольно смешные вещи: то, что я секретарь правления Союза кинематографистов России, я узнал где-то через год после того, как этим секретарем стал. То, что я член национального оscarовского комитета, я узнал, потому что на меня обиделся мой друг Юра Мамин за то, что я не поддержал его картину «Окно в Париж». Но я просто не знал, мне просто тоже об этом никто не сказал. С таким же успехом меня можно сделать членом совета попечителей Большой Медведицы или течения Гольфстрим.

Сейчас из газеты снова случайно узнаю, что создан попечительский совет культуры над петербургским телевидением во главе с Ельциным. И я там вместе с разными замечательными людьми...

Интервью взяла
АННА СОСНОРА

Санкт-Петербург

«Сейчас в мире вообще плохо с хорошим кино...»

Интервью с кинорежиссером Алексеем Германом

Алексей Герман. Фото М.Лемхина.

ский, Юрский, Шарко, Лебедев... Я наверняка забыл кого-то из великих. Ты мог перейти через улицу и попасть в другой театр, где работали Фрейдлих старый, другой Борисов, Черкасов, Толубеев, Меркурьев, молодой Горбачев, Адашевский — я тоже не всех перечисляю. Ты мог пройти еще дальше, мимо памятника, а там просто работал Акимов. А что у нас сейчас: один Додин, если так, без пикнота. Есть хорошие актеры, конечно, но несоизмеримо меньше. Общество не заботится о воспроизводстве. Нет потребности — нет и артиста.

ди, которые, так сказать, поджали хвосты, пошли на сделку с режимом или сами стали этим режимом; казалось, что они выиграли, а на самом деле проиграли.

Сегодняшнее время я не очень понимаю. У меня есть ощущение, что мы проживаем достаточно противный период истории, может быть, и необходимый... Все как-то нервно, настолько все обнажено, настолько все противоречиво.

— **Нужна ли школа режиссерам?**

— Нет. Чтобы понять технологию, достаточно нескольких месяцев. Что такое монтаж? — стихия. Нет законов монтажа. Кто в какую сторону смотрит? — этому очень быстро учатся. Этому вообще учить нельзя, ты это либо ощущаешь, либо нет. И учить может только очень хороший режиссер. А как? Ну, существует какое-то погружение в искусство. Но я что-то не верю в это.

У нас сейчас так модно говорить, что

победит сильнейший, а я думаю, это вранье, победит все равно талантливейший. Конечно, нужна какая-то ловкость, умение сманеврировать, все это входит в профессию режиссера. Но при этом нужен и талант. Вот, говорят, система Станиславского нерезультативна. Она очень даже результативна, просто там он написал, что если вы все это изучите и при этом у вас есть талант, тогда из вас получится артист. Правда, если есть талант, может, и без системы Станиславского все получится. Но лучше с ней, потому что это какие-то инструменты, помогающие таланту.

А талант — это когда человек вылескивает свои мысли и чувства, и это интересно еще каким-то людям. Когда человек самовыражается и он интересен другим.

Причем и человек-то может быть глупым и ничтожным, и вдруг хоп — из него что-то полилось, и это задает меня, заставляет плакать или смеяться.

В катастрофе, которая произошла с нашим кинематографом, разные слагаемые, но в ней

А.Герман на съемках фильма «Хрусталев, машину!». Фото С.Аксенова.

— **Есть ли хорошие российские фильмы за последние годы?**

— Есть, а чего ж нету. Я думаю, что в ближайшее время в кинематографе будет расцвет, всякие начальники клянутся начнут, что это сделали они. Но сделают это не они, а необходимые «природные условия». Будут такие же режиссеры-«официанты», подделывающиеся под американцев, будут плохие, но богатые режиссеры, и будут нищие хорошие режиссеры. Но никогда не вернется, думаю, тот дух «Ленфильма», когда нищий, несчастный режиссер мог прийти в кафе, и ему сразу бы подали кофе, потому что этот режиссер был талантлив, а брюхатые народные артисты стояли бы и ждали, когда им дадут кофе. Таким был я когда-то...

— **Почему ваши картины не о сегодняшнем времени?**

— У меня болезненный интерес к истории, к истории Чингисхана, например, набега. Кстати, это может, даже обидно, но знаете, сколько монголов пришло в Россию (татар там вообще не было, татар он всех вырезал до одного, татаро-монгольское иго — выдумка)? Всего 6 тысяч монголов, весь фокус в том, что они повели за собой степь и Кавказ. Русские князья сумели испортить отношения со степью, а монголы этим воспользовались очень удачно, очень точно. Монголы прореджались бы неизвестно сколько, если бы все завещания Чингисхана были выполнены. Но им хотелось захватить Японию, для этого нужен был флот, флотоводцы. Флотоводцев среди монголов не было, надо было привлечь китайцев. А в завещании Чингисхана сказано: никаких больших начальников из иноземцев не брать, не смешивать армию, не смешиваться с культурами, стоять отдельно. И китайцы их обволокли, обволокли, и первые же монголы и выплонули. Довольно интересно.

Мне многие периоды истории интересны. Например, эпоха Павла I. Замечательно Хо-

Международный театральный фестиваль в Авиньоне

До 18 июля в 19.00
«Татьяна Репина» (Чехов + тексты Лабиша и А.Дюма-сына). Постановка Валерия Фокина. Спектакль по-русски и по-французски. Chapelle des Pénitents blancs.
23-25, 27-29 июля
«Гроза» Островского. Постановка Генриетты Яновской. Спектакль по-русски с французскими субтитрами. Chapelle des Pénitents blancs.
25-29 июля в 21.30
«Гамлет» Шекспира. Постановка Эймунтаса Някрошюса. Спектакль по-литовски с французскими субтитрами. Théâtre municipal.
Справки и заказ билетов: 04.90.14.14.14 (с 11 до 19 ч.), Minitel 3615 AVIGNON, магазины FNAC.